

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

A. Jacikevičius. Daugiakalbystės psichologija. (Apybraiža).—Vilnius, 1970, стр. 279.

В многонациональном советском государстве при наличии большого количества наций, народностей, этнических групп весьма важное значение приобретают вопросы двуязычия и многоязычия. Для малых народностей владение несколькими языками совершенно необходимо, так как способность общаться на нескольких языках — одно из важнейших условий дружеского сотрудничества наций, средство социальной адаптации отдельных членов общества. Поэтому понятен тот интерес, который в последние десятилетия проявляют лингвисты, социологи, философы и психологи к проблемам двуязычия и многоязычия. Поскольку явления эти сложны, многоаспектны, в их изучении требуется применение методов ряда наук.

Одному из аспектов многоязычия посвящен очерк А. Яцкевичюса «Психология многоязычия». Автор 14 лет проводил наблюдения над становлением многоязычия, организовал ряд экспериментов. Книга рассчитана на учителей родного, русского и иностранных языков, на методистов, воспитателей детских садов, родителей многоязычных семей, на широкий круг читателей. Однако проблемы, которые ставит автор, несомненно, заинтересуют и психологов, переводчиков, социологов и других читателей, имеющих дело с теорией и практикой многоязычия.

В книге 6 глав, в которых рассматривается широкий круг вопросов: история развития учения о психологии многоязычия, особенности формирования многоязычия в дошкольном возрасте, изучение языков в школе, вопрос о самостоятельном изучении языков, динамика специфических явлений многоязычия, вопросы диагностики многоязычия. Книга снабжена обширной библиографией работ на русском, литовском и иностранных языках и краткими резюме на русском и английском языках.

Термином «многоязычие» (*daugiakalbystė*) в очерке обозначается не только способность индивида общаться на двух или более языках, но и распростра-

ность разных языков в коллективах людей (стр. 5). Автор исходит из положения о том, что многоязычие — это прежде всего явление индивидуальной психики и в качестве такового является объектом психологии. Подчеркивая социальную обусловленность явления, А. Яцкевичюс правильно указывает, что «многоязычие начинает формироваться лишь тогда, когда для общения недостаточно одного языка, когда среда создает многоязычную ситуацию, противоречащую возможностям одноязычного индивида» (стр. 249).

Глубокое понимание причин возникновения двуязычия и многоязычия, социальной обусловленности их распространения и развития сказывается в выборе способа исследования психологических закономерностей формирования многоязычия. Исследования двуязычия и многоязычия на материале долголетнего наблюдения над закономерностями формирования многоязычия у отдельных индивидов проводились И. Ронжа, В. Леопольдом, Н. В. Имедадзе. А. Яцкевичюс изучает становление многоязычия на материале синхронного изучения многоязычных индивидов разного возраста: дошкольников, учащихся средней школы, студентов и др. Основным методом исследования является эксперимент, хотя в отдельных случаях автором применяются другие методы — наблюдение за речевой деятельностью, интервьюирование, анкетирование, изучение биографии индивида, самоанализ.

Исследование проводилось, в основном, в Литовской ССР, в некоторых случаях приводятся материалы, собранные в Эстонской ССР. В этих республиках в силу ряда причин синхронного и диахронного характера очень активны процессы распространения двуязычия и многоязычия. Так, в Литовской ССР корни многоязычия относятся ко временам Великого Литовского княжества; уже с XIII в., когда в деловой письменности Литвы употреблялись в большей или меньшей степени латинский, немецкий, позже польский и русский (древнерусский) языки. Больше всего был распростра-

нен русский (древнерусский) язык, который длительное время выполнял функции делового языка, в судопроизводстве он употреблялся даже до 1697 г. (1). На латинском языке писались некоторые дипломатические бумаги, это был язык религиозного культа. Немецкий язык использовался в незначительной степени для составления официальных писем, адресованных крестоносцам и меченосцам. Польский язык мало употреблялся в деловой письменности, он в основном функционировал в качестве разговорного языка феодальной верхушки Литвы. Для распространения многоязычия большое значение имели тесные исторические связи литовского народа со славянскими народами, в частности с русскими и польскими народами.

Распространению двуязычия и многоязычия способствуют современные этнолингвистические условия республики. В Литовской ССР проживает многонациональное, многоязычное сообщество, нуждающееся в общем языке для производственной, культурной и других сфер жизни. По данным переписи населения 1970 г. в республике литовцы (коренная национальность) составляют 80,1 % жителей, русские — 8,6%, поляки — 7,7%, белорусы — 1,5%, есть и другие народности. Развитие двуязычия и многоязычия особенно активизируется тем, что жители некоренных национальностей по республике расселены неравномерно, в связи с чем в городах и некоторых районах республики наблюдается острая социальная необходимость в развитии социально-активных форм двуязычия и многоязычия. Вышеизложенное позволяет с полной уверенностью утверждать, что исследователем место для сбора материала выбрано очень удачно. Автора можно было бы упрекнуть лишь в том, что объектом своего исследования он сделал не социально активные в Литовской ССР типы многоязычия (литовско-русско-польское, польско-литовско-русское, литовско-польско-белорусское и др.), а многоязычие с языками, не идентичными по сферам их активного использования (литовско-русско-иностранные многоязычие). Иностранные языки являются предметом изучения в школе, однако почти совсем не используются в других сферах жизни обследуемых индивидов — в сфере повседневного общения, в сфере массовой коммуникации и др. Именно ограниченность функционирования иностранного языка в жизни индивидов, а также недостаточно высокий уровень его усвоения в школе в ряде случаев, на наш взгляд, мешают автору выйти за пределы двуязычия и отразить психологические закономерности, свойственные формированию собственно многоязычия. Видимо, более плодотворным могло оказаться исследование литовско-русско-польского

или литовско-русско-белорусского многоязычия. Польский язык в некоторых районах Литвы, например Вильнюсском, Эйшишкском, употребляется в ряде сфер — в сфере бытового общения, в сфере радио, печати, в сфере начального и среднего образования. Активное использование индивидами всех трех языков, их функциональное равновесие, на наш взгляд, дало бы убедительный материал для наблюдений над взаимодействием не только первого и второго языков, но и второго — третьего, первого и третьего.

Центральная проблема очерка — генезис многоязычия. Параметрами формирования многоязычия автор считает факторы, определяющие: 1) процесс формирования многоязычия, 2) темпы его формирования, 3) сложную структуру явления и взаимодействие его компонентов; 4) влияние нового, формирующегося явления на другие явления психики индивида (стр. 11). В очерке последовательно рассматриваются этапы становления многоязычия в дошкольном возрасте, в школьный период, анализируется процесс самостоятельного научения языков взрослыми. Автор справедливо отмечает, что, осваивая родной язык, индивид приобретает не только навыки и умения, необходимые для овладения родным языком (умение дифференцировать и воспринимать специфические для родного языка звуки, умение применять специфические правила соединения слов родного языка в коммуникативные единицы), но и навыки, умения, необходимые для речевой коммуникации на любом языке (развитие аппаратов слуха и артикуляции, умение объединять объект с комплексом звуков, умение планировать акт говорения и др.).

Выделяя двуязычие в качестве одного из этапов становления многоязычия, автор разграничивает раннее организованное и раннее неорганизованное (стихийное) двуязычие. Наблюдения А. Яцкевичюса свидетельствуют, что раннее массовое и неорганизованное двуязычие и многоязычие может повлечь за собой явления смешения языков, усиление интерференции на разных уровнях системы языка, опасность образования социального жаргона. Понимая специфику этнолингвистических и социально-экономических условий функционирования языков в Литовской ССР, наличие в ряде районов социальной неизбежности раннего двуязычия и многоязычия, автор считает целесообразным применение в таких случаях метода разграничения языков в детской психике («одна среда — один язык», стр. 80). Автор уверен, что внесение элемента сознательности в билингвизм многоязычие на ранних этапах, моментов организованности речевой практики, ее регламентированности могут предот-

вратить нежелательные явления, вызываемые стихийным ранним многоязычием. В более поздние периоды формирования многоязычия профилактическим средством против смещения языков, интерференции, по мнению А. Яцкевичюса, может служить обучение технике правильного перевода.

А. Яцкевичюс приводит много интересных наблюдений, касающихся психологических закономерностей освоения школьниками лексики, функциональной грамматики второго и третьего языков. Автор доказывает, что результаты обучения языкам в школе гораздо ниже оптимальных. Главная причина в том, что не всегда изучение языков строится на основе теории обучения, признающей определяющими обучение факторами благоприятную мотивацию изучаемого, повторение изучаемых явлений и положительное подкрепление отдельных повторений.

Много внимания автор уделяет динамике специфических явлений многоязычия. Здесь рассматриваются процессы перевода с одного языка на другой, их темпы и языковое качество, умение выполнять сенсомоторные команды, способность восприятия и запоминания информации на первом, втором и третьем языках, умение передавать информацию средствами разных языков, а также закономерности формирования вербальной памяти в процессе становления многоязычия. Внимание автора привлекают процессы взаимодействия первого, второго и третьего языков в психике индивида. Интерференция здесь выступает как результат этого процесса. Общие правила психологии, позволяющие избежать интерференции, — это унификация методов обучения, хорошее закрепление знаний и навыков, стандартизация ситуаций и реакций или же образование наибольших различий между ними. Осво-

вываясь на этих общих правилах, а также на собственных наблюдениях, экспериментах, А. Яцкевичюс подчеркивает необходимость унифицирования знаний предмета учителями-словесниками, важность унификации методов обучения иностранным языкам, а также значение детального научного исследования сходств и различий родного и неродного языков.

Важное принципиальное значение в связи с неразработанностью методов научного измерения знаний языка имеет глава «Проблемы диагностики многоязычия». Для научного измерения уровня знаний языков автор считает необходимым применение психолингвистических тестов. Наблюдения, анкетирование, самоанализ, методы школьного контроля, по мнению А. Яцкевичюса, недостаточно точны и экономичны. Приводятся иллюстрации практического составления и применения психолингвистических тестов (тест коммуникации, тест интравербальных ассоциаций на втором языке и др.). Тесты составлены с учетом сложений и расхождений русского и литовского языков.

Автор стремится к точности, документированности. В книге много интересно фактического материала, приводится анализ большого количества экспериментальных данных, в ряде случаев изложение поясняется схемами, таблицами.

В книге А. Яцкевичюса «Психология многоязычия» обстоятельно и глубоко рассматриваются вопросы двуязычия и многоязычия. Этот труд вводит в научный обиход материалы по литовско-русскому двуязычию и разным типам многоязычия и дает хорошее начало большой работе по изучению билингвизма и многоязычия в Литве. Представляется весьма желательным издание данного труда А. Яцкевичюса на русском языке.

В. Ю. Мизальченко

«Slovník spisovného jazyka českého», I, A—M.—Praha, 1958—1960, 1311 стр.; II, N—Q.—Praha, 1960—1964, 1196 стр.; III, R—U.—Praha, 1964—1966, 1088 стр.; IV, V—Ž, Doplňky a opravy.—Praha, 1966—1971, 1040 стр.

Выход в свет толкового словаря — это обычно подведение итога целой эпохе развития лексического фонда нации. Эпоха, которую отражает «Словарь литературного чешского языка» (далее — СЛЧЯ), имеет для чешской нации особое значение: это период установления государственной самостоятельности Чехословакии (с 1918 г.) и период социализма (с 1945 г.). Естественно, что бурный поток лексики, отражающей социальный и

технический прогресс этих лет, потребовал лексикографического оформления. Это было уже невозможно сделать в рамках восьмитомного «Настольного словаря чешского языка»¹: «современное состояние» чешского литературного языка понималось в последнем очень широко, охватывая период примерно с 1880 г.

¹ «Příruční slovník jazyka českého», Praha, 1935—1957.